

каковъ онъ? — „Да не опустить бы намъ его, баринъ. Я буду поднимать шляпу, а вы, баринъ, съ боковъ руками прихлопните и схватите соловья“. Вотъ кучеръ поднимаетъ шляпу, а баринъ хватъ... и вмѣсто соловья-то оказалась пропавшая ворона. Видитъ баринъ, что мужикъ его надулъ, да дѣлать нечего, и пошелъ домой. А нашъ мужичекъ сталъ жить да поживать со своей матушкой еще лучше прежняго.

Боровичскій у. 1903.

60. Непрощенный сынъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, былъ случай такой — что сынъ матери нагрубилъ, и она его не простила, и этого дитище ставятъ на службу царскую, а она его не простила. Енъ отслужилъ 30 лѣтъ на царской службѣ, потомъ онъ и померъ, ну вотъ, какъ онъ померъ, мать сыра земля не принимаетъ его, потому его мать не простила, а почему узнали, что мать сыра земля его не принимаетъ, такъ подошелъ случай: къ этому мѣсту пригнали солдатъ стоять, что пришло эту могилу разрыть. Съ этими же солдатами пригнали полковника и поставили его къ мужику, который побогаче, гдѣ фатера почише. У этво хозяина дочка, значить, была молоденька и очень она красавица. И этому полковнику, видишь ли ты, желательно съ ней познакомиться, а не осмѣлится ей сказать, что она не приметъ его разговоровъ. Енъ сталъ просить рядового солдата: „Вы, говорить, попроще, спросите у квартирниковъ, нѣтъ ли въ этой деревнѣ шептуньи эту дѣвицу пришептать“. Ну, вотъ этотъ рядовой солдатъ спросилъ у своей фатерницы, что нѣтъ ли въ вашей деревнѣ шептуньи или ворожей. Этому солдату объяснила фатерница: „есть, говорить, у насъ служебный, старуха, ото всячины излѣчаетъ“. Ну, этотъ солдатъ сказалъ полковнику: „Ваше благородіе, есть, говорятъ, такая шептунья старуха, что всячины можетъ знать“. Ну, этотъ полковникъ, значить, и сошелъ къ этой бабкѣ, ну енъ

и просилъ ее: „бабушка, можешь ты сдѣлать, что мнѣ съ этой дѣвушкой познаться. Такъ я дамъ тебѣ кусокъ хлѣба до смерти“. Ну эта старушка говоритъ: „если ты мнѣ запла-тишь, а я что то на прочее пошепчу, то не могу увѣрить, согласится она съ тобой или не. А сходи ты въ ограду, найдешь ты свѣжую могилу, которой недавно зарытъ по-койникъ, и разрой ты ту могилу и достань ты того песочку, который священникъ на одежду кидаетъ, и достань ты три счепоточки этой земли, я на ее и пошепчу, а на что прочее увѣрить не могу“. Ну, этотъ полковникъ самъ въ ограду не пошелъ, а послалъ розыскивать рядового солдата. Ну, сол-датъ сошелъ послѣ ученья, розыскалъ такую могилу, гдѣ покойникъ сутки трои только закопанъ. Этого же солдата полковникъ послалъ: „принеси, говоритъ, той землицы, что священникъ на одежду покойника сыплеть“. Ну, солдатъ пошелъ, ночью разрываетъ и разрылъ до гроба. Ему стало страшно, онъ и взялъ съ гроба земли и говоритъ: „почему старуха узнаетъ, откуда я земли взялъ“, и завязалъ въ по-совой платокъ. Принесъ и отдаетъ полковнику, а онъ къ этой бабкѣ снесъ. Бабушка взяла эту землицу и сразу узнала, что не съ одежды, а съ гроба, и говоритъ: „на эту, батюшка, и пытаться не стану, а ужъ коль онъ разрылъ могилу, такъ пошли его на другую ночь, пусть онъ рас-кроетъ крышку и принесетъ земли съ одежды“. Ну, полков-никъ принесъ эту землю солдату и говоритъ: „бабка узнала, что не той земли ты принесъ, принеси съ одежды“. Этотъ солдатъ отвѣчалъ, „что очень страшно, ваше благородіе“. „Ну, тебѣ, дуракъ, и здѣсь не легче (ему ученье не дава-лось), а если достанешь, я тебѣ оставку выправлю и домой отправлю, а хоть страшно, а тебя вѣдь не съѣли“. Ну, онъ и пошелъ на другую ночь разрывать эту могилу. Ну, онъ эту яму разрылъ, снимаетъ крышку и ставитъ ее въ ноги лубомъ, повернулся и увидалъ, что покойникъ сѣвши. Онъ и упалъ за гробъ на другую сторону—ужъ очень онъ испугался. Покойникъ и говоритъ ему: „землякъ, не пугайся, я тебя не трону, а Расскажи-ка ты мнѣ, изъ какихъ ты мѣстъ“. Этотъ солдатъ и сталъ рассказывать, и такъ они сказались, что съ одной стороны, что ихъ деревни черезъ рѣку да черезъ два поля. Мертвый и спрашиваетъ: „ну давно ли ты, землякъ, служишь“?—„Я служу второй годъ“.

„Что тебя ставили, моя мать жива была или нѣтъ, хвора́я она была“.—„Оставше, а я какъ родивше, она все хвора́я и отъ меня оставше—хвора́я“. Мертвый и говоритъ: „я тридцатый годъ лежу, и меня земля не принимаетъ, а ей Богъ смерти не даетъ, за то меня не простила. Тебѣ, землякѣ требуется землицы, ты возьми, а полковникъ тебѣ отставку выправить, и тебѣ полкъ денегъ дать, и ты ямщика наймешь и поѣдешь домой на тройкѣ съ колокольчиками и съѣдешь ты домой и сходи ты къ моей матери и снеси поклонъ. Она не повѣритъ, гдѣ ты меня нашелъ, а ты расскажи и попроси, чтобъ она меня простила. Если она меня проститъ, то Господь ей смертушку пошлетъ, а если не проститъ, ей Богъ смерти не пошлетъ, а меня мать сыра земля не принимаетъ. Ежели она на первые сутки не проститъ, приди ты на вторые и на третьи. Если она меня въ трои сутки не проститъ, то награди ты ее своимъ крестомъ и подойди ты къ ней и скажи: „во имя Отца и Сына, аминь. Если ты, бабушка, такая укрюмая, то Господь Богъ васъ разсудитъ“. Ну, а я теперь ручки сложу, лягу на упокой, ты меня покрой одежкой, возьми, чего тебѣ надо, и зарой яму и ступай“. Онъ взялъ три счепокъ земли, покрылъ одежкой и зарылъ яму и ушелъ. Принесъ эту земельку полковнику и отдалъ. Полковникъ снесъ эту земельку къ старушкѣ къ этой. Ну старушка, какъ взяла эту земельку, полковнику отвѣтъ подала: „вотъ эта та земелька, я на эту земельку могу пошептатъ“. Ну она на эту земельку пошептала и велѣла этой земелькой обсѣять дѣвицу. (Эта дѣвица ожидаетъ, когда-когда отецъ съ матерью уснутъ, она и придетъ къ полковнику на свиданье, на квартиру ночевать на постель). Онъ вышелъ по-утру на ученье и этому солдатику и говоритъ: „ужъ много я тебя билъ, а сегодня ужъ послѣдній разъ дамъ, стерпи, я тебя по носу ударю, чтобы кровь пошла, а ты и упали, я заставляю двухъ солдатъ отнести тебя въ больницу“. Ну, такъ и сдѣлали и унесли солдата въ больницу. Полковникъ черезъ недѣлю выправилъ ему отставку и денегъ далъ ему много. Онъ до дому все и ѣхалъ на ямщикахъ съ колокольчиками. Приѣхалъ домой и спрашиваетъ, жива ли эта старушка изъ этой деревни. Онъ ночью ночевалъ, а поутру и пошелъ къ этой старушкѣ поклонъ справлять отъ сына. Пришелъ и говоритъ: „ба-

бушка, ты все то жива еще". — „Жива, жива, еще, кормилецъ, жива". — „Вотъ, бабушка, я привезъ тебѣ отъ сына поклонъ". Эта бабушка и говоритъ: „не повѣрю я тебѣ, кормилецъ, что моего сына ты видѣлъ". — „Бабушка, правду ты говоришь, что его въ живыхъ нѣту, я нашелъ его въ землѣ. Ты его не простила, и его мать сыра земля не принимаетъ, а тебѣ за то Богъ смерти не даетъ. Ты прости его, тогда его мать сыра земля приметъ, и тебѣ Господь смертушку пошлетъ". „Не, батюшка, не прощу его, пусть онъ пердитъ (гниетъ) въ землѣ". А этотъ солдатъ говоритъ: „бабушка, тебѣ Богъ смерти не пошлетъ". — „Не, батюшка", не вѣрю тебѣ, што Богъ смерти не пошлетъ, безсмертныхъ людей нѣтъ на свѣтѣ, это только я такая долговѣкая". — „Ну, бабушка, неужто не простить, прости, а то я завтра еще приду". — „Хоть ходи, хоть не ходи, все равно не прощу". Онъ трои сутки ходилъ къ старухѣ, а она все не простила сына. Тогда онъ черезъ трои сутки перекрестилъ своимъ крестомъ и сказалъ: „во имя Отца, и Сына, аминь". Какъ только ѣнъ ее перекрестилъ, полъ разступился, и она провалилась... *далее оборвано.*

Боровичскій у. 1903.

61. Одна копѣчка.

Бѣдный мужикъ покумилсе съ богачемъ. Разъ взялъ бѣдный у богатого кума въ займы 10 руб. и выплатилъ ему по частямъ все, окромя одной копѣйки. Одначе богачу жалко и одной копѣйки. Кажинной разъ, какъ идетъ онъ хъ обѣдни въ церкву, — кумъ жилъ въ другой деревни — заходитъ подъ окно хъ куму и спрашивать: „скоро-ли, кумъ, копѣчку отдашь? хоть Богу свѣчку на ею поставилъ бы". А кумъ, хоть и имѣлъ деньги, а все говорилъ, што денегъ нѣтъ. „Подожди, кумъ, вотъ справлюсь, такъ отдамъ". Цѣлый годъ спрашивалъ богачъ копѣйку. Наконецъ, надоѣлъ бѣдному. „Вить, эдакой кумъ-то „скупердай": вишь, жалко онной копѣйки! Вотъ што, жонка! я притворюсь мертвымъ, а ты, какъ пойдетъ кумъ къ обѣдни, попроси его обмытъ меня и свезъ въ церкву". Сговорились. Въ воскресенье, какъ только завидѣлъ бѣдной